

Бригадина Ольга Васильевна

Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь)

ВОЙНА В ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ: К ВОПРОСУ О ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Традиционно события Первой мировой войны изучались в рамках военной, дипломатической, экономической истории. В советской историографии этот период расценивался как катализатор двух революций 1917 г. в России. Проблема «человек и война» сравнительно недавно стала объектом пристального внимания исследователей. Она рассматривается в контексте социальной истории, психоистории, истории ментальности и т. д. Спектр вопросов, получивших освещение в современной историографии Первой мировой войны, достаточно широк: трансформация менталитета и поведения, специфика военной повседневности, роль социальных групп в общественных процессах, гуманитарные последствия войны. Стабильно растет число монографий и диссертационных исследований, посвященных «поколению 1914 года». Как отмечал писатель и публицист И.Г. Эренбург, «война сложна, темна и густа, как непроходимый лес. Она не похожа на ее описание, она и проще и сложнее...» [2, с. 6]. Специфика изучения истории повседневности в годы войны заключается в первую очередь в возможности «реконструировать дихотомию: стабильность — экстремальность, а также воссоздать особенности трансформации поведенческих практик, связанных с адаптацией, освоением перехода из привычного жизненного мира в предельно критический, выстраивая стратегию „жизни в катастрофе“ (по выражению И.В. Нарского)» [3, с. 39].

Комплекс вопросов, связанных с реакцией людей на мировую войну и «человеческим измерением» этого конфликта, стал предметом научных дискуссий. Среди наиболее обсуждаемых проблем — границы патриотического подъема и его проявления в городе и деревне. Многие исследователи ставят под сомнение факт существования патриотического подъема в России как широкого общественного настроения. По мнению Б.Н. Миронова, «с помощью прессы удавалось манипулировать настроениями народа: в 1914 г. и первой половине 1915 г. — разбудить в народе патриотизм, во второй половине 1915 г. и первой половине 1916 г. — создать „образ внутреннего врага“ в лице импера-

торской четы, камарилы и правительства, наконец, в 1916 — начале 1917 г. — окончательно дискредитировать власть» [6, с. 617]. Безусловно, на начальном этапе войны доминировали ощущения национального единства. Стихийные и организованные властями демонстрации, шествия, молебны проходили во многих городах страны. На улицах вывешивались национальные флаги, слышалось пение патриотических гимнов и скандирование лозунгов в поддержку Сербии, России и ее союзников. Из воспоминаний председателя Государственной думы М.В. Родзянко: «я был поражен переменой настроений жителей столицы... На вопрос мой, чем это объясняется, я получил ответ: дело касается всей России... Аграрные и всякие волнения в деревне сразу стихли в эти тревожные дни, и как велик был подъем национального чувства, красноречиво свидетельствуют цифры: к мобилизации явилось более 96 % всех призывных, явилось без отказа и воевали впоследствии на славу» [5, с. 246]. Патриотизм проявлялся в самых разнообразных формах. Сельские общины уже в первые дни войны начали составлять приговоры о пожертвовании определенного количества хлеба (не выше 20 % от общего запаса) на нужды армии. По всей стране были открыты губернские отделения Комитета великой княжны Татьяны Николаевны для оказания временной помощи пострадавшим от военных бедствий. В городах создавались лазареты для больных и раненых, оказывалась посильная помощь беженцам. Решение жилищных проблем частично брали на себя добровольные организации, например, «Общество дешевых квартир в Петербурге». Вместе с тем настроения людей нельзя однозначно квалифицировать как всеобщий энтузиазм и эйфорию: были и тревога, и паника, и даже ожидание конца света. О.С. Поршнева отмечает «инстинктивный» характер патриотизма у сельского населения. Война, не связанная с непосредственной защитой своего дома, в глазах крестьян приобретала смысл лишь в случае приращения земли. Ограниченность кругозора крестьян рамками сельского мира определяла и своеобразие его представлений о внешнем враге — «нападчике», который должен обязательно угрожать разорением и только тогда получить достойный отпор. Искать врага далеко от дома было, по представлениям крестьян, бессмысленно. «Кабы мне знать, — признавался один из жителей российской деревни, — в чем толк-то, из-за чего народы передрались. Не иначе как за землю» [7, с. 192]. Подобного рода настроения отмечались и в армии, укомплектованной в основном за счет сельского населения: из 15,8 млн мобилизованных к осени 1917 г. 12,8 млн были призваны из деревни. [7, с. 192]. Участник Первой мировой войны, будущий бе-

лоэмигрант Ф. Степун в своих воспоминаниях писал: «Сколько раз слышал я в Карпатах общее солдатское мнение: «Да зачем нам, ваше благородие, эту Галицию завоевывать, когда ее пахать неудобно» [7, с. 194]. По мере удаления линии фронта в армии нарастал пессимизм. На солдатские настроения оказывали свое влияние специфика военных действий, а также качественно иной состав армии по сравнению с довоенным (80 % новобранцев были из деревни). К 1916 г. среди солдат участились случаи неподчинения командованию, дезертирства и сдачи в плен, резко возросло число душевнобольных. С точки зрения А.Б. Астахова, Первая мировая война явилась для русской армии психосоциальным стрессом, культурным шоком, примеров которому в истории не было [1, с. 268].

Вопреки всем прогнозам и ожиданиям война затянулась. Она подвергла испытанию на прочность всю систему власти, изменила моральные нормы и стереотипы поведения. Постепенно чувство усталости от войны стало преобладающим как у военных, так и у гражданских лиц. Возвышенные патриотические чувства сменились «физиологическим отвращением» (по определению Е.С. Сениявской) к войне. Период гражданского согласия, наметившийся в начале войны, оказался непродолжительным. Беженцы и военнопленные усиливали социальную конфликтность. В массовом сознании культивировались германофобские настроения. Популярными были разговоры о шпионаже и немецком засилии в экономике и органах государственного управления. Вспышка холеры в мае 1915 г. в Москве на Прохоровской мануфактуре расценивалась как немецкая террористическая акция. По городу распространялись листовки с адресами немецких торговых фирм. 28 мая 1915 г. были разгромлены знаменитая в Москве аптека Феррейна на Никольской улице, парфюмерная фабрика Брокара, винные склады Генке, нотные магазины на Петровке и Кузнецком мосту. Усиленно охранялась Марфо-Мариинская обитель, так как ходили по Москве слухи, что у великой княгини Елизаветы Федоровны, основательницы обители, найден подземный телефон для связи с немцами [4, с. 64—65]. Проявлениями массовой социальной агрессии стали погромы казенных винных лавок, магазинов и предприятий лиц, носивших иностранные фамилии. Крестьянские волнения выражались в грабежах помещичьих имений. Среди крестьян распространялись слухи, что после войны все земли немцев и подданных других государств будут переданы им. Они считали, по мнению О.С. Поршневой, собственные действия справедливыми [7, с. 196]. Мотивами открытых посягательств на помещичью собственность были представления об обоснованности в условиях войны требований к обеспечению семей мобили-

зованных топливом и другими жизненно необходимыми предметами. Вместе с тем документы свидетельствуют о значительной помощи семьям военнослужащих, призванных в армию, со стороны государства: на 1 сентября 1917 г. в сельской местности пайками обеспечивалось 33,4 млн человек, а за все военное время их было выдано на сумму 2,7 млрд рублей, т.е. по 20,4 рубля на сельского жителя. На эти деньги можно было купить 253 кг ржи в Одессе, 222 кг — в Петрограде. Горожане, меньше пострадавшие от мобилизации, получили за время войны пайков на 254 млн рублей (8,8 рубля на человека) [6, с. 534].

Продовольственный кризис, проявившийся в конце 1916 г., еще сильнее обострил отношения народа с властью. Россия вступила в войну, имея лишь государственный продовольственный запас для армии в объеме, необходимом на период мобилизации войск и ведения боевых действий в первые месяцы войны. В российской армии до войны не было системы централизованного снабжения продовольствием. Лишь 17 августа 1915 г. правительство России установило твердые цены на хлеб, обязательные госзакупки для армии, а 10 октября 1916 г. распространило их на все торговые операции. Осенью 1916 г. в 31 губернии Европейской России было введено подобие разверстки. С лета 1916 г. стихийно, по решению местных властей, в городах возникла карточная система. Нормированными стали сахар, хлеб, чуть позже крупа, рис, макароны. В Петрограде к февралю 1917 г. норма продажи хлеба на одного человека составила 615 г, для военных и фабрично-заводских рабочих — 820 г [6, с. 577]. В январе 1917 г. в Москве запретили изготавливать «пирожные, торты, тянучки и другие высокие сорта кондитерского производства», в Петрограде — выпечку и продажу сдобных куличей, булок, баранок и «вообще всех не таксированных хлебных продуктов» [8, с. 394]. Из-за низких государственных цен на хлеб крестьяне прекратили продажу на городских рынках своего зерна, считая обидным для себя кормить дешевым хлебом горожан и покупать втридорога промышленные товары. С начала войны в России был введен «сухой закон», прекратились производство и продажа спиртных напитков. Государство лишилось значительной доли своих доходов. В деревнях стало развиваться самогоноварение. Производство самогона было рентабельным и позволяло крестьянам иметь деньги для приобретения все дорожающих промышленных товаров. Крестьянин, укрывающий хлеб от государственных реквизиций и перегоняющий зерно на самогон, вызывал нескрываемое раздражение как у властей, так и у горожан. Формировался устойчивый антагонизм между городом и деревней.

В стране не было недостатка продовольствия. Перебои в снабжении двух столиц и крупных промышленных городов были вызваны беспорядками на железнодорожном транспорте и намеренным саботажем. В условиях падения авторитета центральной власти земства, опасаясь возможных проблем с обеспечением продуктами питания местного населения, стали активно использовать свои полномочия для удержания хлеба в губерниях. Границы были блокированы, поставки хлеба в центральные районы резко сократились. «Страна оказалась разделенной на большое число изолированных владений, — писала газета «День», — обмен продуктами между которыми происходит с не меньшими затруднениями, чем между самостоятельными государствами» [8, с. 390]. Пассажирские поезда, прибывающие в Москву или Петроград из Сибири, подвергали тщательному досмотру, в то же время на Алтайской железной дороге под Бийском скопилось около 4 млн пудов мяса под открытым небом [8, с. 392].

Несоответствие между спросом и предложением вызвало небывалый рост цен. Довольно комфортно чувствовали себя спекулянты, зарабатывавшие по 400—500 % на каждой сделке. Петроградские рестораны были переполнены. Громадные прибыли, нажитые на поставках в армию, превращались в «кутежные эпидемии». М. Осоргин, корреспондент газеты «Русское слово» в Риме, охарактеризовал ситуацию в России в начале 1917 г. как «пир во время чумы». Популярное в Петрограде кафе «Привал комедиантов» горожане стали называть из-за баснословных цен «Привал спекулянтов». Чтобы попасть на премьеру «Маскарада» в Александринском театре, нужно было заплатить за билет в партер 22 руб. Для сравнения: фунт сахара на черном рынке стоил 1 руб. 60 коп., госцена была в пять раз ниже. В крупных городах резко возросла преступность. Газеты писали, что «грабителя банка стало трудно отличить от финансиста», настолько дорогим и респектабельным стал внешний вид нарушителей закона [8, с. 391]. Огромные суммы денег зарабатывались на тотализаторах, продаже морфия, проституции. Многие деформации общества стали необратимыми. 1 января 1917 г. одна из газет писала, что день окончания войны не станет днем возвращения былых нравственных ценностей и прежних убеждений [8, с. 393].

Первая мировая война оказала огромное влияние на все стороны жизни российского общества. Накопление экономических, социокультурных, психологических проблем, неспособность властей к их преодолению формировали у населения недоверие как к местным, так и к центральным государственным структурам. На этом фоне общество оказалось расколотым и в целом равнодушно отнеслось к последующим социальным и политическим событиям.

Библиографический список

1. Асташов, А.Б. Война как культурный шок / А.Б. Асташов // Военно-историческая антропология: ежегодник. — М.: РОССПЭН, 2002. С. 268—281.
2. Из первых уст. Великая Отечественная война глазами очевидцев / сост. А.В. Кулагина, Л.Ф. Миронихина, Г.А. Шепелев. — М.: Гос. респ. центр рус. фольклора, 2010. — 424 с.
3. Сухова, О.А. История повседневности Первой мировой войны: методология и источники / О.А. Сухова // Вестн. архивиста. — 2014. — № 3. — С. 35—48.
4. Сванидзе, М. Исторические хроники с Николаем Сванидзе: в 2 кн. / М. Сванидзе. — Кн. 1: 1913—1933 гг. — СПб.: Амфора, 2007. — 437 с.
5. Мировые войны XX в. в 4 кн. — М.: РОССПЭН, 2002. — Кн. 2: Первая мировая война: документы и материалы / отв. ред. В.К. Шатило. — 581 с.
6. Миронов, Б.Н. Благополучие населения и революции в имперской России. XVIII — начало XX века / Б.Н. Миронов. — М.: Весь Мир, 2012. — 848 с.
7. Человек и война. Война как явление культуры / под ред. И.В. Нарского. — М.: АИРО-XX, 2001. — 480 с.
8. Экшут, С.А. Повседневная жизнь российской интеллигенции от эпохи Великих реформ до Серебряного века / С.А. Экшут. — М.: Молодая гвардия, 2012. — 428 с.

Бурачонак Аляксандр Вячаслававіч

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт (Мінск, Беларусь)

**СТАНОВІШЧА ПРАДПРЫМАЛЬНІКАЎ НА ТЭРЫТОРЫІ
БЕЛАРУСІ Ў ПАЧАТКОВЫ ПЕРЫЯД ПЕРШАЙ
СУСВЕТНАЙ ВАЙНЫ**

За перыяд з другой паловы XIX да пачатку XX ст. прадпрымальнікі беларускіх губерняў дасягнулі значных поспехаў, а пэўныя прадстаўнікі дзелавай эліты Беларусі ў перадаенныя гады нават складалі канкурэнцыю прадпрымальнікам цэнтральных губерняў Расійскай Імперыі. Аднак Першая сусветная вайна цалкам змяніла эканамічную сітуацыю, што склалася за парэформенныя дзесяцігоддзі на тэрыторыі Беларусі. З самых першых дзён вайны на большасці прамысловых прадпрыемстваў быў зменшаны аб'ём вытворчасці. Асноўнымі прычынамі скарачэння былі цяжкасці ў збыце прадукцыі і атрымання новага абсталявання, а таксама недахоп сыравіны [7, арк. 5 адв. —